

Ю. Д. ЛЕВИН

ИНКЛ И ЯРИКО В РОССИИ

Над горестной историей индианки Ярико (Yarico) в XVIII в. проливалась слезы вся просвещенная Европа. Первым поведал о ней еще в предыдущем столетии английский путешественник Ричард Лигон. В своей «Истории острова Барбадос» (1657) он рассказал о встреченной там красивой рабыне-индианке. В прошлом она спасла английского юношу, скрывавшегося в лесу после того, как отряд колонизаторов, в котором он находился, был разгромлен индейцами. Она спрятала его от своих соплеменников в пещере и кормила, пока их не подобрал английский корабль, направлявшийся к Барбадосу. «Однако юноша, сойдя на берег в Барбадосе, позабыл доброту бедной девушки, которая рисковала своей жизнью ради его благополучия, и продал в рабство ту, которая родилась такой же свободной, как и он. И вот так бедная Ярико расплатилась свободой за свою любовь».¹

Краткий рассказ Лигона (около двадцати строк) спустя полвека привлек внимание Ричарда Стиля, и он пересказал его в 11-м номере издававшегося им совместно с Аддисоном журнала «Зритель» («The Spectator», № 11, 1711, March 13). Историю Ярико (со ссылкой на Лигона) излагает здесь светская дама Ариэтта, доказывающая в споре с собеседником моральное превосходство женщин над мужчинами. Рассказ Ариэтты расширен почти в четыре раза по сравнению с первоисточником, в нем впервые появилось имя героя Томас Инкл (Inkle), и история обогатилась рядом частных деталей. Р. Стиль подчеркивал искренность чувства девушки и противостоящее ему буржуазное своекорыстие юноши, которому еще отец внушил «любовь к барыщу». И если, скрываясь в лесу, он действительно любил свою спасительницу, то, вернувшись в общество своих сограждан, сразу же стал сокрушаться по поводу того, «какой значительной прибыли лишился он за время, проведенное с Ярико», и это толкает его на вероломный поступок. Стиль ввел красноречивую деталь: желая

¹ Ligon Richard True and exact history of the island Barbados London 1657, p. 55.

умилостивить своего любовника, Ярико признается, что она беременна от него, но это побуждает Инкла только повысить цену за нее.

«Зритель» пользовался большой популярностью: многократно переиздавался и переводился на европейские языки, и через него история Инкла и Ярико стала широко известна. Внутренний ее пафос — осуждение рабства и идея равенства людей независимо от расы и социального положения. Кроме того, сюжет тайл в себе возможность сентименталистского осмысления, противопоставляющего естественную нравственную красоту дикарки низости цивилизованного европейца. Начиная с 30-х годов XVIII в. сперва в Англии, а затем на континенте появляются одна за другой различные обработки этого сюжета. В Англии вышло в свет несколько поэм, сообщавших рассказу из «Зрителя» новые подробности. Распространена была форма послания к Инклу от Ярико, скорбящей о своей участи, по типу Овидиевых героид.

Из двух десятков немецких подражаний наибольшее значение имели три произведения с идентичным заглавием «Инкл и Ярико», принадлежавшие Кристиану Фюрхтеготту Геллерту и швейцарцам Иоганну Якобу Бодмеру и Саломону Геснеру. Геллерт в небольшой поэме 1746 г. довольно точно пересказал сюжет Стиля, усилив его чувствительные моменты и закончив гневной инвективой по адресу Инкла, «варвара, подобного которому не было на свете». Бодмер аналогично построил свою поэму 1756 г., написанную гексаметром, но добавил к истории новый конец: добрый работоровец сжалился над несчастной девушкой и отпустил ее на волю. В том же году Геснер написал прозаическое продолжение к поэме Бодмера: Инкл раскаялся в своем злодеянии и, пережив многие злоключения, под конец соединился с Ярико, которая его простила.

Из французских произведений, вдохновленных историей Инкла и Ярико, отметим одноактную стихотворную комедию «Молодая индианка» («La jeune indienne», 1764) Себастьяна-Рока-Никола Шамфора, одного из идеологов Французской революции, в то время еще начинающего писателя. Действие комедии происходит в английской колонии в Северной Америке. Молодой англичанин Белтон возвращается к своим соотечественникам с индианкой Бети, которая спасла его после кораблекрушения и полюбила. Белтон намерен покинуть Бети, хоть и любит ее, и жениться на англичанке Арабелле, с детства нареченной ему невестой: это единственный способ для него поправить свои расстроенные дела. Но вмешательство отца Арабеллы, который пленился душевной чистотой и красотой Бети и дал ей щедрое приданое, приводит пьесу к счастливой развязке.

Проникнутая руссоистскими идеями, «Молодая индианка» пользовалась известностью и, по-видимому, оказала влияние на английского драматурга Джорджа Кольмана Младшего; написав на сюжет Стиля пьесу «Инкл и Ярико» (1787), он придал ей бла-

гополучное окончание по примеру Шамфора. Пьеса имела песенные вставки, музыку к которым сочинил композитор Самюэль Арнольд (из-за чего она часто называется оперой), и она с успехом исполнялась в Лондоне.

История европейского распространения сюжета Инкла и Ярико неоднократно привлекала внимание исследователей. Американский профессор Лоренс Марсден Прайс посвятил даже этому вопросу небольшую монографию «Альбом Инкла и Ярико».² Прайс исследовал английские, французские, немецкие и швейцарские произведения и учитывал их переводы на другие языки. В приложенной к книге библиографии упоминаются три русских перевода: два — «Зрителя» № 11 и один — поэмы Геллерта.³ Сведения эти далеки от полноты и к тому же содержат ошибки.⁴ Ниже мы постараемся осветить действительную судьбу Инкла и Ярико на русской почве.⁵

Впервые их история появилась по-русски в 1762 г. как «Перевод из аглинского Спектатора, лист 11», помещенный в петербургском академическом журнале.⁶ В соответствии с направлением «Сочинений и переводов», издатель которых Г. Ф. Миллер придерживался умеренно просветительских взглядов,⁷ здесь часто печатались материалы из английских моралистических журналов, в основном правоучительные рассуждения, аллегории и притчи. На этом фоне «Зритель» № 11, содержащий повествовательный материал, был исключением, и, возможно, издателя привлекла не столько сама история, сколько общая мораль очерка, который был переведен полностью (т. е. с характеристикой Ариэтты и изложением ее спора). Перевод, однако, как показывает сличение текста, делался не с оригинала, а с довольно точного немецкого перевода, изданного в 1739—1743 гг. под заглавием «Der Zu-

² Price L. M. *Inkle and Yarico album*. Berkeley, 1937; см. также: Usteri P. *Inkel und Yariko*. — *Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen*, Bd. CXXII, 1909, S. 358—368; Bissel B. *The American Indian in English Literature of the eighteenth century*. New Haven, 1925, p. 138—140, 197—199; Fairchild H. N. *The noble savage*. N. Y., 1928, p. 80—86, 302—303, 411, 478—480. — Первая попытка собрать материал: Schmid Ch. H. *Ueber die Dichter die Geschichte von Inkle und Yariko bearbeitet haben*. — *Deutsche Monatsschrift*, 1799, S. 145—160.

³ См.: Price L. M. *Inkle and Yarico album*, p. 156, 164.

⁴ Прайс неверно указал год публикации перевода «Зрителя» № 11 в «Сочинениях и переводах к пользе и увеселению служащих» (1759 вместо 1762), а также ошибочно определил «Всякую всячину» № 14 как перевод того же очерка из «Зрителя» — в действительности там помещен частичный перевод «Зрителя» № 15.

⁵ Отчасти эта тема затронута нами в статье «Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века» (в кн.: *Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы*. Л., 1967, с. 33, 42, 73—74).

⁶ *Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие*, 1762, ноябрь, с. 469—476.

⁷ См.: Берков П. Н. *История русской журналистики XVIII века*. М.—Л., 1952, с. 102.

schauer».⁸ Имя русского переводчика не указано. Им мог быть В. И. Лебедев (1716—1771), товарищ Ломоносова по Славяно-греко-латинской академии, который затем воспитывался при Академии наук и в 1740 г. стал академическим переводчиком. Он действительно сотрудничал в «Сочинениях и переводах», помещая там, в частности, статьи из журналов Стиля и Аддисона, переведенные с немецкого за незнанием английского языка.⁹

Совершенно иной характер носил следующий русский перевод «Зрителя» № 11, напечатанный полтора года спустя под заглавием «История о некотором купце» с подписью «Переведено из Спектатора» в московском журнале «Доброе намерение».¹⁰ Переводчик и здесь не был обозначен, но им несомненно являлся Михайло Пермский (ум. 1770), один из главных сотрудников журнала, который ранее провел два года в Англии в качестве дьячка церкви русского посольства, и, по словам Н. И. Новикова, «обучась там совершенно аглинскому языку, возвратился в 1760 году в Россию».¹¹ «Доброе намерение» ориентировалось на сравнительно широкий круг читателей, и составители его стремились заполнить журнал более или менее занимательным чтением. Пермский взял из английского очерка только историю Инкла и Ярико, освободив ее от предшествующих рассуждений и переведя весьма вольно, то сокращая, то распространяя текст. Явно не удовлетворенный сухим повествованием Стиля, он стремился расцветить его собственными вставками. Так, в уста Инкла, скрывшегося в лесу от индейцев, он вложил такой монолог: «О! небо, какому нещастию ты меня подвергло? где я теперь? и куда я пойду? Возвращусь ли на корабль? Но там уже никого нет, здесь ли останусь? Но, или диким зверям буду жертвою, или, изнурен голодом, бедственно лишусь жизни. О! прелестный прибыток, о! суетное желание к собранию богатства». Сообщая о варварском поступке Инкла, Пермский вместо проницательного выражения Стиля «благоразумный и воздержанный юноша» («the prudent and frugal young man») назвал его «недостойным сообщества человеческого», и там, где в оригинале сообщалось лишь о факте продажи, восклицал: «продал свою любовницу, защитницу и благодетельницу, желая тем наградить свои убытки». Таким образом усиливалось эмоциональное звучание рассказа и его социальная острота, хотя, читая «Историю о некотором купце», нельзя

⁸ См.: Der Zuschauer. Aus dem Engländischen übersetzt. Th. I. 2te Aufl. Leipzig, 1750, S. 49—54.

⁹ См. о нем: Пекарский П. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 годов. — В кн.: Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук, т. II, № 4. СПб., 1867, с. 21—28.

¹⁰ Доброе намерение, 1764, март, с. 131—135.

¹¹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. — Избр. соч. М.—Л., 1951, с. 334. — О пребывании Пермского в Англии см.: Александренко В. Н. Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке, т. I. Варшава, 1897, с. 422, 424, 435.

не вспомнить замечания П. Н. Беркова, что язык переводов «Доброго намерения» связан с «„подъяческим“ жаргоном, с канцелярски тяжелыми оборотами, в основном идущими от практики петровских, а может быть и допетровских приказов».¹²

Следующий и последний известный нам русский перевод «Зрителя» № 11 появился лишь через полвека в недолговечном журнале «Демокрит», издававшемся Андреем Фроловичем Кропотовым (1780—1821 ?). Хотя перевод был озаглавлен «Инкл и Ярико», он охватывал очерк «Зрителя» целиком.¹³ Переводчиком был, видимо, сам Кропотов и, несмотря на то что он проповедовал галлофобию, переводил он с французского перевода,¹⁴ но не с распространенного «Le Spectateur, ou le Socrate moderne», а с какого-то иного, нам неизвестного. В остальном же перевод этот ничем не примечателен.

В последней трети XVIII в. история Инкла и Ярико попадала в Россию главным образом через поэму Геллерта. В «Письмах русского путешественника» Карамзин, рассказывая о том, как в Лейпциге он увидел памятник немецкому писателю, добавлял: «Тут, смотря на сей памятник добродетельного мужа, дружбою сооруженный, вспомнил я то счастливое время моего ребячества, когда Геллертовы басни составляли почти всю мою библиотеку, когда, читая его „Инкле и Ярико“, обливался я горькими слезами».¹⁵ Интерес к этой истории Карамзин сохранил и в дальнейшем: находясь в Лондоне в 1790 г., он слушал оперу Кольмана—Арнольда «Инкл и Ярико».¹⁶ Несомненно, что ему была известна и повесть Геснера, которого он высоко ценил, считая, что «цветы Геснеровых творений не увянут до вечности»,¹⁷ а также поэма Бодмера, печатавшаяся обычно перед повестью Геснера в собраниях сочинений последнего.

Русские читатели, не владевшие немецким языком, смогли впервые ознакомиться с поэмой Геллерта в 1775 г., когда она появилась под заглавием «Инкл и Ярика» в составе «Басен и сказок» немецкого писателя.¹⁸ Прозаический перевод принадлежит перу Михаила Алексеевича Матинского — писателя и компози-

¹² Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века, с. 146.

¹³ Демокрит, 1815, ч. II, кн. 4, с. 54—63.

¹⁴ На это указывает приведенный по-французски эпиграф из Ювенала (у Стиля он приводился по-латыни) и включение в тексте в виде пояснений французских написаний: «Matrone d'Ephese», «Inkle et Yarico», «grains de jais».

¹⁵ Карамзин Н. М. Избр. произв., т. I. Подготовка текста и примечания П. Беркова. М.—Л., 1964, с. 159. — Об отношении Карамзина к Геллерту см.: Сиповский В. В. Н. М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899, с. 32—36; Rothe Hans. N. M. Karamzins europäische Reise. Der Beginn des russischen Romans. Berlin—Zürich, 1968, S. 107, 157, 266.

¹⁶ Карамзин Н. М. Избр. произв., т. I, с. 563.

¹⁷ Там же, с. 245—246.

¹⁸ Басни и сказки сочинения г. Геллерта, ч. I. Перевел с немецкого на российский язык М. Матинский. СПб., 1775, с. 22—27.

тора конца XVIII — начала XIX в., в прошлом крепостного графа Ягужинского.¹⁹ В заключительной инвективе переводчик постарался сохранить пафос оригинала: «О, бесчеловечный Инкл, которому еще нигде подобного не бывало, пускай узнает весь свет твою срамоту! Заслуживает ли она, злодей, за чистосердечие и величайшую верность жестокою неволю?» и т. д. «Басни и сказки», очевидно, пользовались успехом и через 13 лет были переизданы.²⁰

Тем временем в «Санкт-Петербургском вестнике» появился новый прозаический перевод поэмы Геллерта.²¹ Здесь «Инкл и Ярико» заняли место среди других переводных произведений преромантического толка, регулярно появлявшихся в журнале. Перевод в целом довольно точен, однако анонимный переводчик снял заключение поэмы: возможно, ему показалось, что обличение Инкла может быть истолковано расширительно — как направленное против рабства вообще. О его осторожности свидетельствует одно характерное изменение в тексте. Геллерт, рассказав о том, как Ярико прятала Инкла в лесу, восклицал: «Найдется ли в Европе столь благородное сердце?» («Wird in Europa wohl ein Herz so edel sein?»). В русском переводе в соответствующем месте: «Столь доброе было сердце сея девицы!». Таким образом, какое-либо умаление Европы, в которую входила часть России, было устранено.²²

В 1802 г. в типографии Московского университета вышел в двух томах «Старинный друг, возвратившийся из путешествия и рассказывающий все, что видел, слышал и чувствовал». Это был сборник переводного развлекательного чтения, составленный Петром Васильевичем Победоносцевым (1771—1843), профессором Московского университета, который был связан с журналами сентименталистского направления и много переводил с немецкого (в частности, перевел «Истинное и ложное счастье» Геллерта — М., 1809). Во II части «Старинного друга» среди всякого рода историй, очерков, анекдотов имеется рассказ «Инкл и Ярико» (с. 272—276). Сличение текста показывает, что это вольный про-

¹⁹ См. о нем: Берков П. Н. Неиспользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. V. К биографии Михаила Алексеевича Матинского. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.—Л., 1958, с. 493—496. — Там же полная библиография литературы о Матинском.

²⁰ Басни и сказки сочинения г. Геллерта, ч. I. Перевел с немецкого на российский язык М. Матинский. Вторым тиснением. СПб., 1788 («Инкл и Ярика» — с. 18—22).

²¹ Инкл и Ярико, повесть г. Геллерта. — Санктпетербургский вестник, 1780, ч. VI, сентябрь, с. 180—183.

²² Отметим попутно упоминание поэмы Геллерта и неназванной французской поэмы на ту же тему (возможно, «Inkle et Yarikko» К.-Ф.-Ф. Буланже де Ривери, 1754) в переводном эстетическом трактате: О высоком (sublime) и простосердечном (naïf). Сочинения г. Моза. (Перевод с французского). Студен. Любима Короставцева. — В кн.: Сочинения и переводы студентов имп. Харьковского университета, читанные 1822 года июня 30 числа по окончании экзаменов их. Харьков, 1822, с. 85—86.

заический перевод поэмы Геллерта, в котором опущены вводная тирада о корыстолюбии, движущем людьми, и заключение, т. е. оставлен только сюжет. При этом Победоносцев значительно распространял повествование, стремясь придать ему большую живость и драматичность. В качестве примера можно привести финал: «Жестокосердый! — вскричала она наконец, — вспомни, что я беременна, и пощади, по крайней мере, твоего младенца! — Как! неужели это правда? — отвечал неблагодарный. — *Слышите ли, что она говорит?* — сказал он купцу, которому хотел ее продать, — *она беременна; прибавьте же мне еще три фунта стерлингов за младенца, которого она произведет на свет. Купец отсчитал деньги, а чудовище, получа оные, скрылось!!*».²³

На русский язык были переведены и поэма Бодмера (прозой), и повесть Геснера: оба перевода были помещены в соответствии с немецкими изданиями Геснера как две части одного произведения «Инкель и Ярико» в выпущенном в начале XIX в. переводном полном собрании его сочинений.²⁴ В предисловии, также переведенном с немецкого, пояснялось, кому какая часть принадлежит. Русское издание подготовил Иван Федорович Тимковский — поэт и переводчик конца XVIII—начала XIX в., деятельно сотрудничавший в сентименталистских журналах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена».

Много позже, в конце 1830-х годов, в московском журнале «Галатей» появилась переводная повесть «Ярико», состоявшая из трех частей.²⁵ В первой анонимный автор излагал сюжет Лигона—Стиля—Геллерта, в третьей — Геснера, а в промежуточной краткой второй части говорил об этих своих предшественниках. Непосредственный оригинал этой повести неизвестен, и он не учтен в монографии Л. М. Прайса.

Наконец, на русском языке была издана и «Молодая индианка» Шамфора. Первый перевод комедии вышел в свет уже в 1774 г., т. е. через десять лет после появления оригинала.²⁶ Он был сделан прозой с немецкого перевода. Известно, что в Германии комедия Шамфора имела необычайный успех и неоднократно исполнялась в театре.²⁷ У нас нет сведений о том, что пьеса шла на русской сцене. Но в петербургском немецком театре

²³ Ср. у Геллерта:

Mich, die ich schwanger bin, mich!» fährt sie fort zu klagen.

Bewegt ihn dies? Ach ja! Sie höher anzuschlagen.

Noch drei Pfund Sterling mehr! Hier, spricht der Britte froh,

Hier, Kaufmann, ist das Weib, sie heisst Yarikoi!

²⁴ Полн. собр. соч. г-на Геснера. С немецкого перевел Иван Тимковский, ч. IV. М., 1803, с. 165—197.

²⁵ Ярико. Перев. Ф. К. — Галатей, 1839, ч. VI, № 50, с. 358—377. На эту публикацию нам любезно указал Н. А. Ерофеев.

²⁶ Молодая индианка. Комедия в одном действии г. Шамфорта. Переведена с немецкого. СПб., 1774, 37 с.

²⁷ См.: Chinard G. Introduction. — In: Chamfort. La jeune Indienne. Comédie en un acte et en vers. Princeton, New Jersey, 1945, p. 30.

она была представлена по крайней мере один раз — 3 февраля 1778 г.²⁸

В начале XIX в. комедию Шамфора упоминал И. И. Мартынов (1771—1833) — переводчик античных авторов и директор Министерства народного образования. В «Разборе Ла Гарпова Лицея» он писал: «*Молодая Индианка* Шамфортова соединяет в себе то достоинство, что хорошо написана, с тем, что представляет роль, не лишенную подлинности».²⁹

Спустя пятнадцать лет «Молодая индианка» была вновь переведена на русский язык, на этот раз стихами.³⁰ Переводчиком был Владимир Владимирович Измайлов (1773—1830) — ревностный последователь Карамзина и приверженец идей Руссо, чьи «Письма о ботанике» он издал в 1810 г. Несомненно, что его привлекала руссоистская направленность комедии, герой которой восклицал:

Душа открытая, невинная, простая
Навек мне предалась: друг другом обладая,
Спокойны, веселы, в концах страны земной,
Благославляли мы щастливый жребий свой! ..
Там бедность тяжкая не страждет от презренья,
Презренье! .. адский плод мирского просвещения,
Тиран души, злой бич, которым человек,
В прославленный умом и мудростию век,
Подобного себе терзает человека!³¹

Впоследствии в некрологе В. В. Измайлова говорилось о «Молодой индианке»: «Стихи Измайлова и труд Шамфора прекрасны; но, к сожалению, мы не видали сей пиесы на сцене наших театров».³²

Таковы сведения о русских переводах западноевропейских обработок истории Инкля и Ярико.³³

²⁸ См. объявление: Прибавление к № 10 Санктпетербургских ведомостей, 1788, 2 февраля, с. 105. — О петербургском немецком театре см.: Герфигросс В. Н. Иностранные антрепризы Екатерининского времени. — Русский библиофил, 1915, № 6, с. 70—73.

²⁹ Лицей, 1806, ч. IV, кн. 1, с. 41.

³⁰ Молодая Индианка, комедия в стихах, сочинение Шамфора, перевод Владимира Измайлова. М., 1821, 32 с.

³¹ Там же, с. 6—7.

³² Макаров И. Некрология. — Дамский журнал, 1830, ч. XXX, № 19, с. 92.

³³ Отметим еще один путь, по которому имя «Ярико» проникало на русскую почву. Так была названа (несомненно под влиянием рассказа из «Зрителя») прекрасная и добродетельная жена караиба в диалоге «Парижанин и караиб», включенном в философский трактат французского просветителя второго поколения Ж.-Б. Делиля де Саля «De la philosophie de la nature, ou Traité de morale pour l'espece humaine tiré de la philosophie et fondé sur la nature» (1769. Livre III, ch. XI, art. 2. Le parisien et le caraibe, dialogue). Трактат Делиля де Саля был известен в России, и отрывки из него неоднократно переводились, в том числе переводился и упомянутый диалог, проникнутый руссоистскими идеями: Разговор парижанина с караибом. — Санктпетербургский журнал, 1798, ч. IV, декабрь, с. 303—314; Парижанин и караиб. Разговор. С франц. М. Каченовский. — Иппокрена, или Утехи любословия, 1801, ч. XI,

Русский рассказ на эту тему появился в 1795 г. под заглавием «Зара» в журнале В. С. Подшивалова «Приятное и полезное препровождение времени».³⁴ Он был подписан «Даур. Номох.», т. е. «Даурец Номохон»; под таким псевдонимом скрывался крепостной писатель Николай Смирнов. Сын дворового человека, управляющего имениями князей Голицыных, он получил хорошее домашнее образование, а затем «приватно» посещал Московский университет. Тяготясь своим подневольным положением, Смирнов решил в 1785 г. бежать за границу, но был схвачен и приговорен к наказанию кнутом, вырыванию ноздрей, клеймению и каторжным работам. Екатерина II заменила приговор отдачей в солдаты, и Смирнов был отправлен в Сибирь. Первые свои литературные опыты он печатал в тобольском журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—1791), а затем стал посылать их в «Приятное и полезное препровождение времени».³⁵

Западноевропейские художественные обработки истории Инкля и Ярико Смирнову были неизвестны. В примечании к рассказу он писал: «Это ни сочинение, ни перевод. Я читал Реналева *Историю обеих Индий* и нашел в ней анекдот этот, в шести или семи строках замыкавшийся. Он столько поразил меня, что я, закрывши книгу, написал его по-русски; но ничего не заимствуя от Реналья, кроме основы».

«Реналева История обеих Индий» — это «Философская и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях» (*Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes*, 1770) французского историка и философа просветителя Г.-Т.-Ф. Рейналя, произведение, посвященное колониальной политике европейских государств XV—XVIII вв. и содержащее гневное обличение колониализма и рабовладения. В царствование Екатерины II «История» Рейналя находилась в России под негласным запретом, и правительственные учреждения чинили всевозможные препятствия переводу ее на русский язык. Тем не менее французский подлинник был широко известен, и Радищев утверждал, что «в обширной Российской империи... с удовольствием читают Локка, Даламберта, Монтескию, Реналья».³⁶ Только в начале XIX в. был издан сильно сокращенный и «приглаженный» перевод «Истории».³⁷ Здесь, между прочим, был переведен и эпизод,

с. 17—27; Разговор между парижанином и караибским жителем. (Из *Philosophie de la Nature*). — Минерва, 1807, ч. V, август, с. 225—235.

³⁴ Приятное и полезное препровождение времени, 1795, ч. V, с. 357—361.

³⁵ См.: Альтшуллер М. Г. Крепостной поэт и переводчик Николай Смирнов. — В кн.: Французский ежегодник. 1967. М., 1968, с. 260—265.

³⁶ Письмо к А. Р. Воронцову от 12 июня 1785 г. — Радищев А. Н. Полн. собр. соч., т. III. М.—Л., 1952, с. 312.

³⁷ См.: Светлов Л. Б. Русские переводы произведений французских просветителей. II. Рейналь в России. — В кн.: Французский ежегодник. 1962. М., 1963, с. 428—440; см. также: Полторацкий С. Материалы для словаря русских писателей. — Русский вестник, 1858, ноябрь, кн. 2,

привлекший ранее в оригинале внимание Н. Смирнова.³⁸ Эпизод этот помещен в XIV книге «Истории», где повествуется об острове Барбадос. Рейналь, видимо, не знал рассказа Стиля и опирался непосредственно на Лигона. Имена героев у него не были названы, и Смирнов придумал их сам: Зара и Стрюмсон.

Нетрудно понять, чем поразила трагическая судьба караибской девушки крепостного интеллигента, человека, который писал о себе на следствии: «... унижающее имя холопа представляло мне рабство тяжелою цепью меня угнетающею».³⁹ Рассказ написан в сентименталистском духе. Зара названа «чувствительной»; она обладает «сердцем, имеющим вождем одну природу». «Невинная и отверзтая ее душа» противостоит «корыстолюбию и лютости» Стрюмсона. Однако когда, описывая продажу девушки в рабство, автор восклицал: «Я дрожу от ужаса и злобы, пишущий», — эта фраза, несомненно, была не простым следованием сентименталистской поэтике, но выражением его сокровенных чувств. Поэтому Стрюмсон в его глазах не просто негодяй, но «изверг... доведший вероломство и злосердие до последней степени утонченности и покрывший человечество срамом неизгладимым». Эпиграф к рассказу, взятый из Библии: «И у меня сердце есть, яко же и у вас», в сочетании со следующим далее повествованием приобретал антикрепостническую направленность.

В послесловии к рассказу Смирнова Подшивалов, «не унижая отечественного произведения», напоминал читателям, «что сия же самая история есть в аглинском Спектаторе и в творениях бессмертного Геллерта, под именем *Инкла и Ярико*». Тем самым «Зара» вводилась в ряд обработок истории, известной всей Европе.

Смирнов, видимо, не единственный крепостной интеллигент, которого взволновала эта история. В 1827 г. на Верхне-Исетском заводе на Урале был арестован учитель заводской школы крепостной Андрей Васильевич Лоцманов (род. 1807), обвинявшийся в противоправительственных замыслах. Лоцманов пытался, правда безуспешно, создать тайное общество для распространения идей свободы.⁴⁰ Среди отобранных у него при аресте бумаг находилась

Совр. лет., с. 194—197. — В составленной Л. Б. Светловым обстоятельной сводке сведений об известности Рейналя в России о «Заре» Н. Смирнова, однако, не говорится.

³⁸ Философическая и политическая история о заведениях и коммерции европейцев в обеих Индиях, сочиненная аббатом Рейналем. Перевод с французского, изданный по высочайшему его императорского величества повелению, ч. V. СПб., 1808, с. 295—296 (Бесчеловечие одного англичанина против индианки, его благодетельницы).

³⁹ См.: Сивков К. В. Автобиография крепостного интеллигента конца XVIII в. — Исторический архив, 1950, т. V, с. 291.

⁴⁰ См. о нем: Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России, т. I. Пг., 1923, с. 236; Боголюбов К. В. Дело о «возмутительном письме» заводского служителя Андрея Лоцманова. — В кн.: Материалы первой научной конференции по истории Екатеринбурга—Свердловска.

рукопись неоконченной повести «Негр, или Возвращенная свобода», в которой русский крепостной обличал рабовладение. «На Золотом и Невольничьем берегах, — писал он, — европейцы в множестве толпятся для покупки подобных себе существ и хладнокровно смотрят на сетования и скорбь своих невинных собратьев». ⁴¹ За этим постыдным торгом, «посрамляющим человечество», следует жестокая убийственная эксплуатация рабов в Америке. «... миллионы жертв, принесенных на алтарь корысти европейцев, миллионы сих несчастных, погибших от угнетения и скупости европейцев, вопиют о мщении перед престолом Всевышнего», — восклицал автор и угрожал рабовладельцам: «Вы, жестокие скупцы, торгующие подобными себе, — вы, посрамляющие религию своим бесчеловечьем, вы некогда отдадите отчет в делах своих и ужаснетесь во время наказания собственных своих поступков». ⁴² В условиях России эти обличения имели откровенно антикрепостнический смысл.

Герой повести, юный негр, которого Лощманов наделил некоторыми автобиографическими чертами, разъяснял своим братьям несправедливость их участи, стремился пробудить в них чувство собственного достоинства. Автор дал ему имя Иорико. ⁴³ Нетрудно догадаться, что оно было дано в память той злосчастной индианки, с которой столь жестоко и вероломно поступил спасенный ею европеец. Так отозвалась старинная история Инкла и Ярико в русском освободительном движении.

Свердловск, 1947, с. 153—158; Байтин М. И., Пугачев В. В. Политические идеи Андрея Лощманова. — В кн.: Уч. зап. Саратовск. юридич. инст. им. Д. И. Курского, вып. IX, 1960, с. 76—91; Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы (XIX век). М., 1966, с. 78—121.

⁴¹ Цит. по: Коган Л. А. Крепостные вольнодумцы, с. 106.

⁴² Цит. по: Байтин М. И., Пугачев В. В. Политические идеи Андрея Лощманова, с. 84.

⁴³ Такое прочтение дает Л. А. Коган. Прочтение «Горико», приведенное в статье М. И. Байтина и В. В. Пугачева, видимо, является неточным.